

A romantic couple is shown in profile, about to kiss. The woman has blonde hair adorned with a crown of pink and white flowers. The man has blonde hair and is wearing a dark, high-collared jacket. They are surrounded by falling pink cherry blossom petals. In the background, a large, bright full moon is visible against a dark blue sky.

ОПУТАННАЯ
ЛУННЫМ
СВЕТОМ:
БЕЗВОЛКА

Опутанная лунным светом: Без волка

Lenaleia

**Опутанная лунным
светом: Без волка. Книга 3**

«China Literature»

Lenaleia

Опутанная лунным светом: Без волка. Книга 3 / Lenaleia —
«China Literature», — (Опутанная лунным светом: Без волка)

Ава Грей привыкла быть изгоем. Безволчья оборотень, лишённая силы и уважения стаи, она мечтает только об одном – однажды обрести свободу и начать жизнь заново. Шанс появляется на Лунном Гала, ежегодном балу, где молодые оборотни находят своих истинных пар. Там Ава встречает его: красивого, сильного Альфу, чьё прикосновение заставляет её поверить, что судьба наконец дала ей что-то хорошее. Но вместо признания он отвергает её, превращая долгожданную связь в очередное унижение. Ава отказывается возвращаться к прежней жизни. Она сбегает, создаёт новую личность, находит друзей и даже неожиданно обзаводится хаски, который ведёт себя так, будто сам выбрал её своей семьёй. Но когда Ава начинает привыкать к свободе, вокруг неё происходят странные вещи. Её хаски явно скрывает больше, чем может обычная собака. Стаи по всему миру почему-то ищут её. А в собственной квартире она чувствует запах мужчины, который не должен был возвращаться, – запах Альфы, отвергшего её. Теперь Аве предстоит узнать, кем она была на самом деле, почему её ищут и можно ли убежать от связи, которую судьба отказывается разорвать даже после отвержения.

Содержание

Глава 101. Ава: Зов Клейтону	5
Глава 102. Лукас: Ревность	8
Глава 103. Лукас: Верни её домой	10
Глава 104. Ава: Тренировка (1)	13
Глава 105. Ава: Тренировка (2)	16
Глава 106. Ава: Тренировка (3)	19
Глава 107. Лукас: Паника	22
Глава 108. Лиза: Отсутствие Авы (1)	25
Глава 109. Лиза: Отсутствие Авы (2)	28
Глава 110. Лиза: Отсутствие Авы (3)	31
Глава 111. Лиза: Отсутствие Авы (капельница)	33
Глава 112. Ава: Пробуждение	36
Глава 113. Ава: Новая перемена	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Опутанная лунным светом: Без волка

Глава 101. Ава: Зов Клейтону

Пока я жду, когда Клейтон ответит на звонок, передо мной пододвигают тарелку с салатной смесью, увенчанную неприличным количеством нарезанной курицы и тёртого сыра.

На заднем плане очень шумно, и я слышу, как Вестер кричит, что я на линии.

Я накалываю на вилку салат и с хрустом жую его, и этот звук скрежесет у меня в ушах, пока я жду.

— Ава? — голос Клейтона, обычно такой сильный и уверенный, дрожит от уязвимости, которая застаёт меня врасплох. Этот звук сжимает моё сердце, и укол вины пронзает слои замешательства, воцарившегося между нами.

Надо было давно попросить Лукаса дать мне поговорить с ним. Он, наверное, волновался. Он слишком ответственный и заботливый, чтобы просто пустить всё на самотёк и не поинтересоваться, как у меня дела.

Я ужасный человек.

Я ведь совсем не думала о нём всё это время.

— Привет, — выдавливаю я, чувствуя, как сжимается горло. — Как... как ты?

Услышав мои слова, брови Лизы взлетают вверх, и она устремляет на меня напряжённый взгляд, словно ловит каждое моё слово. Я игнорирую её, сосредоточившись на тишине с треском помех, повисшей на линии.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает Клейтон, уклоняясь от моего вопроса и задавая свой. — Ты нормально восстанавливаешься?

От его беспокойства у меня в горле встаёт ком. Чёрт. Я с трудом сглатываю. «Я в порядке», — уверяю я его, хотя даже для моих ушей эти слова звучат пусто. — Вообще-то я позвонила, потому что... ну, я волновалась за Айви. Хотела узнать, как она. И я хотела поговорить с тобой.

Он долго молчит. «С Айви всё хорошо. Она поправляется, но медленно. Она заживает не намного быстрее, чем люди».

Мне знакома эта боль.

Мои серьёзные раны зажили, но ежедневная боль в мышцах после тренировок упрямо не проходит и не торопится исчезать. Я не знаю, что это значит и почему моё тело так себя ведёт.

— Ты... хотела поговорить со мной? — нерешительно спрашивает он.

Я перекладываю телефон к другому уху под взглядом Лизы, чьи глаза блестят. Она обожает хорошие романтические драмы, и моя нынешняя личная жизнь — главный объект её любопытства.

— Я не говорила с тобой с тех пор, как всё это случилось. Я подумала, ты, наверное, волнуешься.

— Так и есть, Ава. Я до сих пор волнуюсь. Я хочу знать, как ты. В порядке ли ты, здорова ли, заживают ли раны.

— У меня всё очень хорошо. — Звучит неубедительно. — Моя лучшая подруга здесь, так что я не одна. Уверена, ты уже знаешь всё, что произошло, так что не буду пересказывать. Я рада, что больше не с родителями.

Молчание Клейтона тревожит. Какофония на заднем плане исчезла, как только он ответил на звонок, и мне интересно, чем он занимался до того, как я позвонила.

— Я скучаю по тебе, Ава.

Его признание настолько неожиданное, что я чуть не роняю телефон. «Я тоже по тебе скучаю». А как ещё я должна ответить? Что не скучаю? Что не так уж часто о нём думаю?

Теперь я начинаю чувствовать себя ужасно.

Я ведь даже о Лукасе не так уж много думала. Ну, то есть, не очень... но гораздо больше, чем когда-либо думаю о Клейтоне.

— Правда? — Надежда в его голосе разбивает мне сердце.

Я и правда скучаю. Он хороший человек. Ответственный. Надёжный. Он заботился обо мне, хотя я была для него чужой.

Конечно, он также держал меня взаперти ради моей же безопасности, но не то чтобы Лукас поступил сильно лучше.

— Да. — В моей памяти вспыхивают другие воспоминания: звук его голоса у меня над ухом, то, как его джентльменские манеры меняются, когда мой гон его поглощает.

Жар заливает мои щёки, и я качаю головой, глядя на Лизу, чьи глаза расширяются. Она не слышит его на другом конце провода, так что понятия не имеет, что происходит.

— Значит, ты не выбрала Лукаса?

— Нет? — Я хмурюсь от его странного вопроса. — Насчёт Лукаса... прости, что я не рассказала тебе о нём. О нас. — Кажется, за такое стоит извиниться. Хотя теперь он и так знает.

— Мне всё равно, Ава. — Его слова словно ласка, и я чувствую, что мы на немного разных волнах. Похоже, я сказала что-то, что его успокоило. — Я никогда не поставлю тебе это в укор.

— Я знаю.

Я почти слышу, как он рад моему ответу, и это свербящее чувство внутри меня растёт. Я не уверена, что это.

— В общем, я просто звонила узнать, как Айви. Наверное, не буду тебя больше задерживать. Уверена, ты занят.

— Номер телефона, — выпаливает Клейтон. — Дай мне свой номер, чтобы я мог тебе звонить.

— Мой номер? — Лиза восторженно кивает, беззвучно шепча мне: «ДА, ДА, ДА!». — Это тот же, с которого я звоню.

— Я могу позвонить тебе сегодня вечером?

— Эм. Да? — Я не планировала снова говорить с ним сегодня, но как я могу отказать, когда он просит об этом таким уязвимым тоном? Низкий рокот его голоса вызывает во мне лёгкую дрожь, напоминая о времени, проведённом вместе.

Мне становится совестно, но я вспоминаю, что сказала Селена.

Лукас — не моя пара. Он мой предназначенный судьбой, который отверг меня. Сейчас мы пытаемся это преодолеть, но это не значит, что на меня заявили права.

Но я всё равно чувствую себя ужасно из-за того, что от голоса другого мужчины по мне пробегает дрожь.

— Поговорим сегодня вечером, Ава.

Его слова — бархатные. Сексуальные. Любящие.

Закончив разговор, я держу телефон в руке, в замешательстве глядя на него. Что это сейчас было?

Я позвонила, чтобы спросить об Айви, и всё потому, что снова объясняла Лизе о времени, проведённом в стае Аспен. Вспомнив о ней, я поняла, что должна связаться с людьми, которые обо мне заботились, и убедиться, что с ними всё в порядке — ведь они пострадали из-за меня.

А теперь я вся разгорячена и взволнована звуком чужого голоса.

— Ох ты ж, — вздыхает Лиза с другой стороны стола, и я кидаю в неё листком салата.

— Заткнись. Боже. Какого чёрта.

— Я почти ничего не слышала, но у этого мужчины голос — чистый секс. Неудивительно, что ты трахалась с ним как животное. Он и в постели так разговаривает?

— Да. Нет. Подожди. — Я зажмуриваюсь и тру глаза пальцем. — Какого хрена я чувствую себя так, будто только что занялась сексом по телефону и изменила Лукасу?

— Потому что у него сексуальный голос. По-моему, сексуальнее, чем у Лукаса. Кстати, как оно было? Секс?

— Лиза, — предупреждаю я, снова чувствуя себя виноватой.

— Ладно, ладно. Поговорим об этом, когда за дверью не будет стражей.

Глава 102. Лукас: Ревность

ЛУКАС

Она собирается поговорить с Клейтоном сегодня вечером.

Мне она звонить не разрешает, а с ним будет разговаривать.

Черт. Я схожу с ума.

Мой волк объявил мне бойкот, и от него исходит ощутимая стена неодобрения и обиды. Я знаю, он винит в этом бардаке меня.

— Я стараюсь, — бормочу я, расхаживая по кабинету. — Я делаю все, что в моих силах, чтобы все исправить.

Нечего было бы исправлять, если бы ты с самого начала не отверг нашу пару, — огрызается он, и в его голосе сквозит обвинение.

Проведя ладонями по лицу, я с трудом сдерживаю стон разочарования. Он прав, и я, черт возьми, это ненавижу. Если бы я не был таким чертовски глупым, Ава давно была бы со мной. В безопасности. С меткой. Моя.

Но я не могу изменить прошлое. Я могу лишь попытаться спасти будущее.

Иди к ней, — требует мой волк. — Заяви на нее права, пока он этого не сделал.

Я качаю головой. — Ей нужно личное пространство. Я должен это уважать.

Личное пространство — последнее, что ей нужно. Ей нужна ее пара. Нужны мы.

Соблазн поддаться, ворваться туда и утащить ее обратно в свою постель, почти непреодолим. Но я не могу. Я не буду таким альфой. Таким мужчиной. Я не стану рабом инстинктов, продиктованных узами судьбы во мне.

Мне нужно прочистить голову. Выбраться из этого душного кабинета и просто... бежать.

Никому ни слова не говоря, я сбрасываю одежду и перевоплощаюсь, позволяя волку взять верх. Он рвется вперед — сгусток сжатой силы и едва сдерживаемой агрессии, — и мы мчимся в лес.

Холодный ночной воздух хлещет мимо, а легкие наполняют запахи лета. Здесь, где нет ничего, кроме ветра и деревьев, все кажется проще. Яснее.

Я знаю, что должен делать. Я должен за нее бороться. Показать ей, что я — тот, с кем ей суждено быть, единственный, кто может дать ей все, что ей нужно.

Но я должен сделать это правильно. Вернуть ее доверие, ее расположение. Доказать, что я ее достоин.

Мой волк рычит, нетерпеливый и неудовлетворенный, но я продолжаю. Шаг за шагом. День за днем.

Равномерный стук наших лап о лесную землю заглушает хаос в моей голове. С каждым шагом суматоха утихает, сменяясь простой радостью бега. Мой волк упивается свободой, первозданностью всего этого.

Это то, что нам нужно, — урчит он, впервые за несколько дней довольный.

Не могу с ним не согласиться. Здесь, на природе, сложности политики стаи и запутанная паутина моей личной жизни кажутся далекими. Есть только ветер в моей шерсти и земля под ногами.

Мы бежим мили, растворяясь в первобытном удовольствии охоты, даже если мы преследуем лишь собственные тени. Тревоги тают, оставляя лишь чистоту момента.

И тут ветерок доносит запах. Что-то чужеродное.

Бродячая собака, — фыркает мой волк, подергивая носом, уловив запах. — Наверное, какой-то потерявшийся человеческий питомец.

Но в этом запахе есть что-то знакомое, что-то, что цепляется за мою память. Не могу точно определить, что это, но оно тянет меня, словно магнит.

Мы меняем курс, следуя по следу вглубь леса. С каждым прыжком запах становится все сильнее, подгоняя нас вперед.

И тут мы ее видим. Хаски, ее шерсть свалялась и потускнела, сквозь тощее тело проступают ребра. Она смотрит на нас настороженными голубыми глазами, и при виде волка ее шерсть на загривке слегка встает дыбом.

Но я не просто волк. А это не обычная бродяга.

Селена.

Имя шепотом проносится в моем сознании — полузабытый фрагмент из тех дней, когда я наблюдал за Авой в Седарвуде.

Но что Селена делает здесь, одинокая и жалкая? И почему у меня такое чувство, что эта собака — не та, кем кажется на первый взгляд?

Медленно, осторожно я подхожу к хаски, а мой волк напряженно наблюдает из-за моих глаз. Селена не двигается с места, ее взгляд прикован к моему.

В нем есть интеллект, глубина, которой не должно быть у обычной собаки. Словно она точно знает, кто и что я такое.

Реакция моего волка застает меня врасплох. В один момент он полон надменного презрения к бродячим собакам, а в следующий — уже пресмыкается на брюхе, словно щенок, выпрашивающий внимания. Я могу лишь ошеломленно наблюдать, как он ползет по-пластунски к Селене, виляя хвостом так сильно, что тот сливается в размытое пятно.

Какого черта ты творишь? — требую я, но он меня игнорирует, слишком поглощенный своей целью.

Селена наблюдает за его приближением с холодным, оценивающим взглядом. Она не двигается, не реагирует, даже когда мой волк подползает все ближе и ближе, вытянув нос, чтобы обнюхать ее лапы.

Я готовлюсь к тому, что она на него рывкнет, поставит на место. Но, к моему полному изумлению, она позволяет этот контакт, ее глаза слегка сужаются, когда его язык высовывается, чтобы лизнуть ее морду.

Прекрати! — рычу я, сгорая от стыда за его поведение. — Тыставляешь нас идиотами.

Но он не обращает на меня внимания, слишком погруженный в свой собственный мир щенячьего обожания. Он осыпает Селену неистовыми поцелуями, и все его тело извивается от силы возбуждения.

А Селена... терпит это. О, она не то чтобы в восторге, судя по едва заметному оскалу, исказившему ее губы. Но она не набрасывается, не отвергает его заигрывания.

Это самая невообразимая чертовщина, которую я когда-либо видел. Мой волк, свирепый и гордый зверь, превратился в слюнявого дурачка у лап полуголодной хаски. А Селена, отстраненная и таинственная, благоволила принять его поклонение с королевским изяществом.

Хватит, — наконец рывкаю я, напрягая волю, чтобы его обуздать. — Ты позоришь нас обоих.

Он скулит, тихо и умоляюще, но неохотно отступает, вывалив язык в придурковатой ухмылке. Селена смотрит на него с непроницаемым собачьим выражением, ее голубые глаза блестят каким-то тайным знанием.

Я качаю головой, пытаюсь вернуть хоть какое-то подобие достоинства. Вся эта встреча выбила меня из колеи, заставив усомниться во всем, что, как мне казалось, я знал.

Пара, — шепчет мой волк.

Это безумие.

Мой волк соединен узами с собакой?

Глава 103. Лукас: Верни её домой

ЛУКАС

Селена следует за нами на земли стаи Блэквуд, но сворачивает в сторону, как только мы приближаемся к семейному дому Авы.

Она отказывается слушать, когда я пытаюсь направить ее обратно в сторону дома альфы, и, проскользнув мимо моего одурманенного волка, рысцой направляется на передний двор, осматривая каждый дюйм.

«Она не хочет со мной разговаривать», — жалко скулит мой волк у меня в голове.

Черт, я так же звучу, когда жалуясь ему?

Надеюсь, что нет. Он звучит как влюбленный по уши подросток.

«Почему она не разговаривает со мной? Это наверняка твоя вина. Она злится на тебя. Я же говорил тебе не отвергать нашу пару».

Опять он меня винит. Я и так знаю, что это моя вина, ему не обязательно сыпать соль на рану. Она собака, а не волк. Она не разговаривает с тобой, потому что не может. Но мое собственное объяснение звучит... неправильно.

Не может быть, чтобы эта хаски была обычной собакой.

Она пахнет как собака, но ведет себя не как собака.

«Пара, пара, пара, пара, пара, пара, пара», — повторяет он, следуя за ней с предельной преданностью.

Мы уже поймали на себе не один косой взгляд местных оборотней, да и шепотки в придачу. Никто из них не понимает, почему мы отслеживаем полуголодную домашнюю собаку на землях волков.

Я не могу винить их за любопытство, но мне хочется перегрызть им всем глотки за то, что они вообще ставят под сомнение присутствие Селены здесь.

Мой волк согласно рычит, и Селена внезапно оглядывается на нас с явным неодобрением во взгляде.

Разве такое возможно?

Она просто выглядит как собака, и все же все ее существо излучает неодобрение по поводу нашего раздражения на зевак.

«За нами наблюдает силовик. Один из моих. Ты. Иди открой ей двери. Все до единой. Я не знаю, что она ищет, но позволь ей искать».

«Понял», — подтверждает он, тут же подбегая к двери.

Мой волк рычит, когда тот подходит слишком близко к хаски, но силовик уже привык к нашему дурному нраву и продолжает идти, открывая незапертую дверь.

Дом постоянно находится под охраной, так что нет нужды его запирасть.

Селена целеустремленно шагает вперед, ее пушистый белый хвост поднят высоко, шерсть на загривке вздыблена. Льдисто-голубые глаза сужаются, когда она обнюхивает коврик в прихожей, и низкий рык рокочет у нее в горле.

«Она злится, — с тревогой замечает мой волк. — Почему она злится? Ей больно? Что случилось?»

Селена резко вскидывает голову и свирепо смотрит на меня. Неужели она услышала? Ее губы оттягиваются назад, обнажая острые белые зубы, и она снова рычит. Звук эхом разносится под высокими потолками.

Мой волк опускает голову и скулит, прижимая уши. «Прости, прости. Не злись. Мы здесь, чтобы помочь».

Я мысленно фыркаю. Она же собака, помнишь? Она не может тебя понять.

«Заткнись, глупый человек, — огрызается на меня мой волк. — Наша пара расстроена. Мы должны это исправить».

Наша пара? Я качаю головой. Она не наша пара. Наша пара — Ава. А это просто собака. Собака Авы, но все же.

Судя по тому, как она обнюхивает каждый дюйм прихожей, она полна решимости что-то найти. Что она чувствует?

Я опускаю нос к паркету и глубоко вдыхаю. Хлорка, чистящее средство с запахом сосны, затхлый запах ковра. Следы запаха Авы — мед и флердоранж, а также горький привкус ее страха. Даже сейчас у меня от него шерсть встает дыбом.

Но ничего необычного. Ничего, что могло бы оправдать такую бурную реакцию Селены.

«Ее нюх, должно быть, уступает нашему, — размышляю я. — В конце концов, она собака. Наши чувства гораздо острее».

«Заткнись, — рычит мой волк, поражая меня своей яростью. — Селена идеальна. Она никому не уступает».

Его гнев застает меня врасплох. Обычно он не бывает таким враждебным, когда злится на меня. Раздраженным — да. Разочарованным — определенно. Но это что-то новое.

Мы следуем за Селеной по дому, и одержимость моего волка ее поведением не дает мне покоя. Она фыркает и ворчит, обследуя каждую комнату, и ее манеры слишком разумны для простой собаки. Это выбивает из колеи.

Когда мы добираемся до спальни Авы, возбуждение Селены достигает пика. Она запрыгивает на кровать, катается по простыням и скулит. Я не могу удержаться от глубокого вдоха, и запах Авы наполняет мои чувства. Мед и флердоранж с легким оттенком ее страха. От этого у меня сжимается сердце.

«Ей нужна Ава, — хнычет мой волк, припадая к полу в дверном проеме. — Мы должны отвезти ее к Аве».

«Я как раз думал о том, чтобы отправить ее туда самолетом сегодня вечером», — уверяю я его.

«Да! — оживляется мой волк, его восторг почти осязаем. — Мы тоже сможем увидеть Аву!»

Мы наблюдаем, как Селена продолжает зарываться в постельное белье. Ее скулеж с каждой секундой становится все жалобнее, затрагивая что-то глубоко в моей груди.

«Мы не можем ее так оставить, — настаивает мой волк. — Ей больно. Ава все исправит».

Жаль только, что она не может нас понять.

Или все-таки может?

Сигналы довольно противоречивы.

С согласия моего волка я перевоплощаюсь обратно в человека и сажусь на край кровати Авы. Селена перестает неистово тереться об одеяла и с опаской смотрит, как я приближаюсь.

— Тише, девочка, — воркую я, протягивая руку, чтобы погладить некогда мягкую шерсть Селены. На ощупь она грязная, и ее нужно вычесать.

Ее уши дергаются, но она не уклоняется от моего прикосновения. Облегчение просачивается в меня, когда она принимает нежную ласку на своей голове.

Возбуждение моего волка немного утихает, пока я потираю ей уши, и это монотонное движение успокаивает нас обоих. — Сегодня вечером я отвезу тебя к Аве, — бормочу я. — Ты должна мне доверять.

Селена долго смотрит на меня, и ее льдисто-голубые глаза кажутся тревожно умными. Словно она понимает каждое слово. Наконец она лижет мне руку, и из ее горла вырывается тихий скулеж.

«Она нам доверяет, — вздыхает мой волк, и напряжение покидает его. — Мы о ней позаботимся. Мы отвезем ее к Аве».

«Отвезем», — соглашаюсь я, продолжая гладить Селену. Ее глаза закрываются, дыхание выравнивается, и она проваливается в беспокойный сон на кровати Авы. Даже во сне ее лапы подергиваются, а нос морщится, словно она гонится за кем-то в своих снах.

Закрыв глаза, я обращаюсь к Вестеру через связь стаи. «Принеси мне сменную одежду и телефон, — приказываю я. — Я в доме Грей. И забронируй мне билет на ближайший рейс до Гранит-Сити, с собакой».

«Будет сделано, босс», — отвечает он, и в его мысленном голосе слышится любопытство. Но он знает, что сейчас лучше не задавать мне вопросов.

На сей раз мысли об отношениях Авы и Клейтона не разрывают меня на части. Все мое внимание сосредоточено на свернувшейся рядом со мной хаски и необъяснимой потребности как можно скорее воссоединить ее с Авой.

Мой волк довольно гудит на задворках моего сознания, довольный нашей нынешней миссией. «Ава будет счастлива, — рокошет он. — Мы возем ей Селену».

Могу лишь надеяться, что он прав. После всего, через что я заставил пройти Аву, самое меньшее, что я могу сделать, — это вернуть ее любимого питомца. Может, это даже прибавит мне несколько очков в ее глазах.

Хотя на данный момент я не особо на это рассчитываю. Мне нужно многое искупить перед Авой Грей. И начать с Селены — ничем не хуже, чем с чего-либо другого.

Глава 104. Ава: Тренировка (1)

Лучший способ справиться со всей этой путаницей в чувствах?

Тренировки.

Иерихон одобрительно наблюдает, как я выхожу за пределы своих возможностей, полная решимости стать сильнее. Каждый день появляются и исчезают новые синяки, ведь включается моя сверхъестественная регенерация. Лиза же, напротив, вся в них, и все они на разных стадиях заживления.

Я твёрдо решила игнорировать всё, что связано с Лукасом и Клейтоном, так долго, как только смогу. Проще просто... не разбираться со всем этим.

Здоровый ли это подход? Вряд ли.

Но, чёрт возьми, пока что мне достаточно просто пережить очередной день.

Странный зуд не прекращается весь день. Лиза шлёпает меня по рукам каждый раз, когда я начинаю чесать шею и плечи. Мой живот выглядит так, будто его расцарапал енот, хотя каждый раз следы исчезают в течение получаса.

— Ты должна прекратить, Эйв. Ты сводишь себя с ума. Чем больше чешешь, тем сильнее чешется. Просто прими Бенадрил.

— Быстрая регенерация означает быстрый обмен веществ. Бенадрил даже не подействует, а я не знаю волчьих дозировок. Мне придётся пойти к целителю, чтобы это выяснить, — я уже объясняла это Лизе, но её раздражение из-за того, что я чешусь, перевешивает такие незначительные детали.

Мне несложно. Я повторяюсь столько, сколько нужно. Я просто беспокоюсь, что другие волки в стае могут её доставать.

До сих пор Лиза никуда не ходила без меня. Из-за стражей, которые всегда поблизости, и присутствия Келлана каждое утро перед тренировкой и каждый день после неё, мы не делали ничего за пределами нашей квартиры. Даже еду нам доставляют.

Общество Лизы — это прекрасно, но мы обе потихоньку сходим с ума в четырёх стенах. Может, именно поэтому со мной что-то не так.

— Приближается полнолуние, — ни с того ни с сего объявляет Иерихон, и я от неожиданности чуть ли не на три метра в воздух подпрыгиваю.

— Ну? Чего встали? Бегом!

Мы с Лизой обмениваемся испуганными взглядами и ускоряемся. Мышцы протестующе вопят, когда я заставляю себя бежать спринт по дорожке ещё быстрее. Зуд на коже усиливается с каждым шагом — сводящее с ума ощущение, которое и не думает отступать.

Полнолуние. Эти слова эхом отдаются у меня в голове, дразня своей значимостью. Для меня, оборотня, который ни разу не переживал перевоплощение, сама концепция силы полной луны остаётся чуждой. И всё же необъяснимое предвкушение нарастает в груди.

С того самого дня в лесу, когда я бежала почти так же быстро, как волки, я отчаянно хочу снова почувствовать ту внутреннюю силу.

С того дня я не чувствовала и намёка на неё.

Внимательный взгляд Иерихона прожигает мне спину, когда я огибаю поворот, с трудом лоя ртом воздух. Лиза поравнялась со мной, её лицо покраснелось от напряжения. «Как думаешь, что он имел в виду?» — пытит она, и её слова прерываются тяжёлым дыханием.

Я качаю головой, не в силах сформулировать внятный ответ. Дыхания не хватает, а мозг слишком сбит с толку моими ощущениями по поводу полнолуния.

Словно моё тело жаждет его.

В этом нет никакого смысла. Даже для полноценных оборотней-волков луна — не более чем усилитель. Для одних — афродизиак, а для других — спусковой крючок для гнева. Они

становятся немного более вспыльчивыми, чуть более склонными к выпивке, немного позже ложатся спать. Но в остальном она не так уж сильно влияет.

Так почему же мне хочется купаться в серебристом свете полной, круглой луны?

Дико. В последнее время всё просто дико. В этом-то и проблема. Куда, блядь, подевалась нормальность и как мне к ней вернуться?

Когда мы завершаем очередной круг, голос Иерихона снова гремит над дорожкой: «Быстрее! Вы думаете, что с такой скоростью сможете убежать от своих врагов?»

Я стискиваю зубы, вкладывая всё своё разочарование в каждый тяжёлый шаг. Неумолимый зуд под кожей мешает мне набрать приличный темп. Я слишком отвлекаюсь.

Лиза сдувается раньше меня, едва одолев пять миль. У неё всё так болит, что я каждый вечер по часу массирую её с головы до пят. Человеческие тела слабы. Уж мне ли не знать, я прожила в таком всю свою жизнь.

Последние перемены оказались совсем не тем, чего я ожидала.

Тот факт, что я так яростно жажду луны, беспокоит меня, пусть даже по моим венам пульсирует возбуждение.

Когда я заканчиваю пятую милю, Иерихон оказывается прямо передо мной, словно какой-то грёбанный незванный призрак.

— Выпады, Ава. По всей дорожке, — его голос щёлкает, как кнут, заставляя меня вздрогнуть. — Лиза, приседания.

— Что? Почему я тоже не могу делать выпады? — протестует Лиза, покрасневшая от напряжения. Она ещё не закончила свои пять миль.

Иерихон устремляет на неё свой стальной взгляд. «Жизнь несправедлива. Смирись. Отношение здесь зависит от результатов».

В груди вспыхивает возмущение от того, как пренебрежительно он обращается с моей подругой. Я упираю руки в бока, готовая спорить, но передумываю. Иерихон не из тех, кто терпит пререкания.

Фыркнув, я начинаю делать выпады, почти сразу чувствуя жжение в бёдрах. Каждый шаг — испытание, мышцы протестующе вопят. Я стискиваю зубы, полная решимости доказать, на что способна.

Нога вперёд. Корпус вниз. Держать. Подъём и снова широкий шаг. Вниз. Держать. Горите, мышцы, горите.

Вдох. Выдох.

В этом проще раствориться, чем не давать мыслям блуждать неведомо где во время пробежки.

Иерихон подходит широким шагом, критически оценивая мою технику. «Ниже. Колено держи над лодыжкой».

Я поправляю стойку, и боль усиливается. Как только я нахожу ритм, Иерихон суёт мне в руки пару гантелей по пять фунтов.

— Держи. Руки в стороны, — он показывает, вытянув свои мускулистые руки параллельно земле.

Я таращусь на него, на моём лице застыло недоверие. Руки уже дрожат от одной только мысли об этом. Я вымотана. Он не может говорить это всерьёз.

— Я что, заикаюсь? Шевелись! — рявкает Иерихон, и его голос эхом разносится по дорожке.

Ладно. Он серьёзно.

Вес тянет плечи, когда я вытягиваю руки. То, что казалось почти невесомым в одной руке, теперь оказалось гораздо тяжелее, чем я ожидала, и кисти медленно опускаются к земле.

Сделав глубокий вдох, я поднимаю руки, полная решимости довести дело до конца. Может, Иерихон и усложнил мои упражнения, но будь я проклята, если позволю ему победить.

Я делаю выпад, и гантели, кажется, с каждой секундой становятся всё тяжелее. Пот стекает по лицу, щиплет глаза. Я дышу короткими, резкими вздохами.

Лиза бросает на меня сочувственный взгляд, продолжая изо всех сил делать приседания, которые ей тоже велел Иерихон.

Глава 105. Ава: Тренировка (2)

На полпути по треку снова возникает Иерихон.

Никогда еще не было человека, к которому я испытывала бы такую смесь любви и ненависти, как к нему, а ведь у меня та еще долбанутая семейка, где ненависть всегда идет рука об руку с любовью.

— Чего? — крихчу я, делая выпад вперед, растягивая ноги и приседая. Мои руки до смешного слабы. Они не просто дрожат, они превратились в желе, и я едва могу оторвать гантели от бедер.

Но я не останавливаюсь.

— Выпрями спину, — рычит Иерихон, критически осматривая мою позу. — Держи пресс в напряжении.

Я поправляю стойку, пытаюсь удержать равновесие, пока мышцы ног подрагивают. Иерихон хмыкает, видимо, сочтя мою технику приемлемой, и сует мне что-то в руки.

— Держи. Гантели по два фунта. Никогда еще не приходилось давать новичку такой маленький вес.

Я бросаю взгляд на гантели и с удивлением вижу, что они милого, ярко-розового цвета. Выглядят совсем новенькими, будто к ним никто никогда не прикасался.

— Ты попросил кого-то купить их для меня? — вопрос срывается с моих губ прежде, чем я успеваю себя остановить.

Иерихон шурится. «Не твое дело», — рявкает он, разворачивается на каблуках и устремляется к Лизе, которая корпит над своими выпадами.

Я не могу сдерживать смехок — в мыслях, потому что дышать и так нечем, — и продолжаю упражнение, сжимая в руках маленькие гантели. Несмотря на суровость Иерихона, тот факт, что он не поленился достать их для меня, посылает неожиданную волну тепла в грудь.

Это небольшой жест, но он говорит о многом. Возможно, за своей жесткой оболочкой Иерихон не так холоден, как кажется.

— Руки выше, Грей! Думаешь, это игра? — голос Иерихона, словно нож, пронзает мое мимолетное тепло.

Я стискиваю зубы и заставляю себя поднять руки, несмотря на жжение, расходящееся по мышцам. Пот заливает лицо, щиплет глаза. Гантели кажутся валунами, которые тянут меня вниз.

Нет, беру свои слова обратно. Все-таки Иерихон — бессердечный ублюдок. Садист, безжалостный сержант-инструктор, который твердо решил меня сломать.

Я смотрю на него со злостью из-под прилипших ко лбу прядей волос. Он, не дрогнув, встречает мой взгляд, и в уголках его губ играет ухмылка. Он наслаждается этим, урод.

— Смотреть вперед! Я разве разрешал останавливаться? Продолжай! — рявкает он, скрепив руки на груди.

Я едва сдерживаю желание запустить одной из этих миленьких розовых гантелек ему в голову. Вместо этого я заставляю себя продолжать, и каждое движение отзывается новыми волнами агонии во всем теле.

Руки горят огнем и неконтролируемо дрожат. Кажется, именно это и чувствуешь, когда умираешь. Но я не доставлю Иерихону удовольствия увидеть, как я сдаюсь. Я закончу этот подход, даже если сдохну.

— Давай, Ава! Ты справишься! — доносится откуда-то слева напряженный, но ободряющий голос Лизы.

Конечно, Иерихон кричит и на нее. Бедная Лиза. Ей не легче, чем мне.

И все же я цепляюсь за ее слова, как за спасательный круг, черпая силы в ее поддержке. Мы в этом вместе, страдаем под игом тирана Иерихона. Едины в своем страдании.

Еще несколько повторений. Я смогу. Я должна. Ради себя, ради Лизы и, может быть, самую малость назло Иерихону.

Я собираю все до капли решимости, что у меня осталась, и продираюсь сквозь боль, истощение и всепоглощающее желание рухнуть на землю и больше никогда не двигаться.

Один выпад. Два. Три. Каждое движение — это битва, война с собственными ограничениями. Но я продолжаю идти, подпитываемая чистым упрямством и нежеланием позволить Иерихону сломить меня.

Наконец, к моему великому облегчению, я заканчиваю круг. Понятия не имею, сколько времени это заняло. Я, по сути, уже труп.

Бросив гантели на землю, я окончательно теряю контроль над трясущимися руками. Я задыхаюсь, сердце бешено колотится, а все тело промокло от пота.

Все волки Вествуда проходят через такой ад?

— И близко нет, — усмехается Иерихон, отвечая на мой вопрос, который я нечаянно произнесла вслух. — Ни один волк Вествуда не рождается таким слабым, как ты сейчас.

Были бы у меня силы, я бы возразила на его жестокие слова.

Но у меня их нет.

Как я и сказала, я, по сути, уже труп.

Лиза, все еще мучаясь со своими упражнениями, подает голос. Удивительно, как после всего этого у нее еще остаются силы говорить. «Эй, это нечестно! Ты гоняешь меня по программе для оборотней, а я человек!»

Ну, я ведь тоже, по сути, человек...

Иерихон говорит себе под нос, но достаточно громко, чтобы мы услышали: «Да бросьте. Это нагрузка для человеческого младенца, а вы только и делаете, что кудахчете».

— Не кудахчем, — слабо замечаю я. В какой-то момент я упала на землю, и теперь просто смотрю в небо, гадая, когда мое тело снова начнет меня слушаться.

— Младенцы даже ходить не умеют, пока не подрастут, — бормочет Лиза.

— А вот из-за этой самой дерзости у вас и нет прогресса, мисс Привереда.

Не могу сдержаться — с моих губ срывается смешок. Прямолинейность Иерихона и пламенные ответы Лизы — это как смотреть, как коса находит на камень.

Лиза ворчит так, чтобы слышала только я: «Со мной никогда в жизни так не обращались».

— Что ж, может, если бы обращались, вы бы стали лучше, — огрызается Иерихон тоном, не терпящим возражений. Волчьи уши. Лиза к такому еще не привыкла.

Я закрываю глаза, позволяя ворчанию Лизы отойти на второй план, и сосредотачиваюсь на ощущении прохладного ветерка, ласкающего мою мокрую от пота кожу. Это небольшая передышка после изнурительной тренировки, которую только что устроил нам Иерихон, и я рада любой секунде покоя.

Но как только я начинаю расслабляться, что-то касается моего разума — мимолетное ощущение, словно неуловимый шепот. Я резко распахиваю глаза, и мое сердце начинает колотиться от внезапного прилива надежды и тоски.

«Селена?» — мысленно зову я, отчаянно пытаюсь дотянуться до знакомого присутствия. «Селена, это ты?»

Тишина.

Я жду, затаив дыхание, силясь почувствовать хоть малейший намек на ответ. Но ничего нет. Лишь пустота, которая преследует меня с тех пор, как исчезла Селена.

На меня обрушивается разочарование, тяжелым грузом оседая в груди. Я уже должна была привыкнуть, но каждый раз, когда я думаю о ней, боль не становится меньше.

Я снова закрываю глаза, пытаюсь сглотнуть подступивший к горлу ком. Я так сильно по ней скучаю. Постоянная боль от ее отсутствия ощущается почти физически, как пустота внутри, которую ничем не заполнить.

Я делаю судорожный вдох и медленно выдыхаю.

Сосредоточься на том, с чем можешь справиться прямо сейчас.

Не раскисай.

Двигайся вперед.

Глава 106. Ава: Тренировка (3)

Возвращение домой — это как награда.

Каждый чёртов день я вваливаюсь в дом и падаю лицом в диван. Лиза занимает кресло, говоря, что предпочитает сворачиваться калачиком и встречать боль в позе эмбриона. Мне нравится вытягиваться. Это помогает.

Келлан тактично избегает упоминаний о том, как мы выглядим, с того самого первого дня, когда он привёз нас домой и совершил небольшую оплошность, за что Лиза его словесно выпотрошила.

Сейчас он на кухне, заказывает еду откуда-то. Мне всё равно откуда. Лишь бы это было съедобно, и я могла есть, не заботясь о манерах за столом.

Обычно Лиза жалуется, когда Келлан заказывает что-то, не спросив нас, но сейчас она слишком поглощена попытками отоспать свою боль, чтобы беспокоиться.

Мой телефон вибрирует на столике рядом с диваном, вырывая меня из тумана усталости. Я хватаю его, мышцы протестуют против движения, и вижу на экране имя Клейтона.

[Клейтон: Просто проверяю, как ты. Надеюсь, у тебя был хороший день. Дай знать, если что-нибудь понадобится.]

Он был так заботлив, писал сообщения вместо звонков с того самого первого дня, когда я едва могла связать два слова, не зевая.

Кажется, он понимает, что сейчас мне нужно личное пространство. Это совсем не похоже на то, что было, когда я жила в стае Аспен, и его желание взять меня в пары было очевидным для нас обоих.

Пока я приму это за чистую монету, потому что не в состоянии размышлять о чём-то более глубоком.

[Ава: Тренировка была жестокой, как всегда, но я держусь. Надеюсь, у тебя тоже всё хорошо.]

Я нажимаю «отправить» и со вздохом бросаю телефон обратно на кофейный столик. Чувство вины скручивает мой желудок — слишком знакомое ощущение в последнее время. Я переписываюсь с Клейтоном, хотя просила Лукаса дать мне время. Может, мне стоит написать и Лукасу.

Через минуту я снова хватаю телефон, подталкиваемая сложными эмоциями, бурлящими внутри меня.

[Ава: Надеюсь, у тебя всё в порядке! У меня здесь всё отлично. Келлан очень хорошо о нас заботится. Лизе здесь нравится.]

Ладно, это не совсем ложь. Ей и правда здесь нравится — та малая часть, что она успела увидеть.

Каждое общение с Клейтоном или Лукасом кажется наполненным сложными эмоциями и недосказанностью. Интересно, смогу ли я когда-нибудь встретиться с кем-либо из них без этого узла неуверенности и тоски, что спутывает меня изнутри.

Живот сводит судорогой, и я морщусь, ёрзая на диване в попытке найти более удобное положение. Но от этой боли не скрыться.

Это боль, которая со временем нарастает, хватая меня изнутри, скручивает, сжимает с каждым неглубоким вдохом.

Я прижимаю руку к животу, словно это поможет против безжалостного натиска боли. Но это не помогает.

Я поворачиваюсь на другой бок. Всё равно никакого облегчения. Это бесполезно. Боль неизбежна, она пульсирует в моём теле с жестокой настойчивостью. Словно сами мои кости выкручивают, а мышцы сведены узлами и натянуты до предела.

Слёзы подступают к глазам, но я смаргиваю их. Боль накатывает волнами.

Бог, как же больно.

Я сворачиваюсь калачиком, подтягивая колени к груди, будто так можно сдержать агонию. Мои пальцы впиваются в подушки дивана в поисках опоры, в поисках чего-то твёрдого, за что можно уцепиться, пока боль угрожает унести меня прочь.

Я продыхиваю самое худшее, сосредотачиваясь на мягкости подушек подо мной, на далёких звуках, как Келлан возится на кухне. Постепенно судороги ослабевают, и я понемногу расслабляюсь, снова откидываясь на диван.

Только время способно с этим справиться.

Всегда кажется, что проходят часы, но, должно быть, это всего лишь минуты.

Так или иначе, она ушла. Какое-то время её не будет.

Мои веки тяжелеют, когда усталость снова наваливается на меня. Бог, как же я устала. Обычно я не так сильно выматываюсь после тренировок, но бывают плохие дни.

Думаю, сегодня один из таких.

Я устала от боли, устала сомневаться в себе, устала скучать по Лукасу, Клейтону и Селене. Я просто хочу уснуть и забыть обо всём на какое-то время. Может, когда я проснусь, всё станет немного яснее, немного легче.

Я позволяю своим глазам закрыться, поддаваясь усталости. Просто немного вздремнуть перед ужином. Просто мгновение покоя. Это всё, что мне нужно.

*

Знакомый голос пробуждает меня, но я не могу открыть глаза. Или пошевелить телом. Или сделать что-либо.

Я не знаю, что они говорят.

Мир погружён во тьму, и я снова проваливаюсь в блаженный сон.

*

Во второй раз меня будит боль.

Жгучая. Испепеляющая. Бушующая и ревущая в моих венах.

Я не могу кричать. Я не могу видеть.

Болит всё.

Я беспомощная жертва всего этого.

Словно меня одновременно пронзают ножом и сжигают на костре.

Моё тело разрывается на части.

Я парю где-то, но это «где-то» — не здесь. И не там. И не где-либо ещё.

Где я?

Я не чувствую себя. Я — лишь ощущение.

Как меня зовут?

Как?

Кто я?

Я — боль.

*

Что-то прохладное окружает меня.

Вода.

Она повсюду.

Я не могу дышать.

Я тону.

Мои лёгкие отчаянно ищут воздух, но лишь наполняются водой.

Больно.

Я чувствую своё тело, но оно движется без моего сознательного участия.

Это не яростная, отчаянная смерть.

Я пытаюсь спастись, но спасения нет.

Лишь глубина.

Лишь боль.

*

Я снова в сознании, но здесь ничего нет.

Ни воздуха.

Ни ветра.

Ни звука.

Лишь тяжёлый груз, давящий на меня.

Вниз.

Вниз.

Мои пальцы скребутся о землю.

Землю?

Но нет места, чтобы пошевелиться.

Нет способа выбраться.

Она у меня во рту.

Она у меня в носу.

Я не могу дышать.

Я постоянно не могу дышать.

Я устала от боли.

*

На этот раз мои глаза открываются.

Плывут облака. Небо голубое.

Светит солнце.

Это прекрасно.

Но здесь нет воздуха.

Ах.

Это и есть смерть?

Снова, и снова, и снова.

Просыпаться вот так.

Меня от этого тошнит.

Просто закончилось.

Просто покончи со всем.

Я не хочу умирать снова.

Глава 107. Лукас: Паника

ЛУКАС

— Какого хрена ты имеешь в виду, она без сознания? — Мой голос срывается на крик на заднем сиденье такси, привлекая встревоженный взгляд Вестера в зеркало заднего вида внедорожника.

Голос Келлана трещит в трубке. — Её жизненные показатели стабильны, но она не приходит в себя. Врачи не могут найти никаких физических отклонений.

— Тогда какого черта она в больнице? — Ярость пульсирует в моих венах, мой волк рычит, готовый выследить любого, кто посмел причинить вред нашей паре. — Что сделал Иерихон?

— Это был не он. Она потеряла сознание дома после тренировки.

— Тренировки? — слово срывается с моих губ рычанием. — Она все еще восстанавливается! Ей нельзя было...

— Босс, — вмешивается грубый голос Вестера. — Несса сейчас с ней. Скоро она сможет рассказать нам больше.

Я провожу рукой по волосам, стиснув челюсти. — Поставь стражей у её палаты. Никто не войдет, кроме стаи и медперсонала.

— Уже сделано.

— Хорошо. — я смотрю в окно на проносящиеся мимо темные улицы, нетерпеливо трясая ногой. Вестер настороженно наблюдает за мной, а в багажнике, все еще в клетке, тяжело дышит хаски. — Собака. Отвези её к Лизе.

— Собака? — хмыкает Келлан. — С каких это пор...

— Не бери в голову. — я сбрасываю вызов, чувствуя, как пульс колотится в горле.

Ава. Моя Ава. Лежит на больничной койке. Снова.

Нет. Я не позволю, чтобы с ней еще что-то случилось. Что бы это ни было, кто бы ни был виноват, я их уничтожу. Разорву на куски голыми руками, если понадобится.

Внедорожник с визгом тормозит у больницы, но я уже распахиваю дверь, едва слыша крик Вестера, чтобы я подождал. Селена скулит из своей клетки, но я не могу сейчас думать о собаке. Все, что имеет значение — это добраться до Авы.

Я врываюсь сквозь раздвижные двери, мои ботинки гулко стучат по линолеуму, пока я несусь напрямик к стойке регистрации. Администратор удивленно поднимает голову, но я уже требую номер палаты Авы.

— Прошу прощения, сэр, но часы посещений...

— Я Лукас Вествуд, — рычу я, ударяя рукой по стойке. — Альфа Стаи Вествуд. Ава Грей под моей защитой. А теперь говори, где она.

Администратор бледнеет, её пальцы летают по клавиатуре. — П-палата триста пять, Альфа. Третий этаж, налево.

Я не утруждаю себя благодарностью, просто разворачиваюсь на каблуках и направляюсь к лифтам. Подъем кажется мучительно медленным, цифры ползут вверх, пока мой разум лихорадочно перебирает худшие сценарии.

Что, если она ранена сильнее, чем сказал Келлан? Что, если кто-то пробрался мимо стражей? Что, если...

Двери со звоном открываются, и я уже иду вперед, широкими шагами поглощая расстояние до палаты Авы. Двое моих охранников стоят на страже снаружи, почтительно кивая при моем приближении.

— Докладывайте, — рявкаю я, не сбавляя шага.

— Без изменений, Альфа, — говорит один из них. — Ванесса все еще с ней.

Я распахиваю дверь, сердце подступает к горлу. И вот она. Ава. Лежит, неподвижная и бледная на белых простынях, капельница подключена к её руке. Ванесса поднимает взгляд от её постели с мрачным выражением лица. С другой стороны кровати сидит черноволосая девушка-человек. Должно быть, Лиза.

— Лукас, — тихо приветствует Ванесса. — Хотела бы я сообщить тебе что-то хорошее.

Я пересекаю палату в три шага и нахожу её руку, осторожно обходя провода и трубки. Её кожа прохладна на ощупь, и мне приходится сглотнуть ком в горле.

— Что с ней, Несса? — хрипло спрашиваю я. — Почему она не просыпается?

Ванесса вздыхает, проводя рукой по волосам. — Физически она в порядке. Истощена и немного обезвожена, но ничто из этого не объясняет столь глубокую потерю сознания.

— Тогда что...

— Думаю, дело в её волке, — мягко прерывает Ванесса. — А точнее, в его отсутствии.

Я хмурюсь, не понимая. — Что ты имеешь в виду?

— Ава... уникальна, — осторожно говорит Ванесса. — Она не прошла перевоплощение, хотя уже достигла нужного возраста. И теперь, после всего, через что она прошла... я думаю, её волк пытается проявиться, но что-то его блокирует. Это единственная теория, которая у меня есть. В последнее время её исцеление шло с исключительной скоростью, а во время побега был инцидент, когда она проявила сверхъестественную скорость. Это не человеческие черты. Это от наших волков.

Я смотрю на неподвижное лицо Авы, мой разум в смятении. Её волк. Пытается вырваться на свободу. — Но почему сейчас? Что изменилось?

Ванесса беспомощно разводит руками. — Я не знаю, Лукас. Я никогда раньше с таким не сталкивалась. Мы на неизведанной территории.

Я киваю, стиснув зубы. Неизведанная или нет, я отказываюсь терять Аву. Не так. Не тогда, когда я только что вернул её.

— Продолжайте следить за ней, — приказываю я. — Докладывайте мне каждый час. И удвойте стражу у её палаты. Никто не входит, кроме медперсонала и стаи.

— Конечно, — соглашается Ванесса. — Но, Лукас, ты должен быть готов. Если волк Авы не сможет проявиться, она может вообще не очнуться.

Я закрываю глаза, слова бьют под дых. Нет. Я не приму этого. Я не могу.

— Она очнется, — твердо говорю я, больше себе, чем Ванессе. — Она должна.

Я опускаюсь на стул у кровати Авы, когда Ванесса выскальзывает из палаты, все еще сжимая её руку. Она выглядит такой маленькой, такой хрупкой. Совсем не похожей на ту огненную, упрямую женщину, которой я её знаю.

— Борись, малышка, — шепчу я, поднося её руку к своим губам. — Борись так, как ты умеешь. Я здесь. Я никуда не уйду.

Снаружи всходит полная и яркая луна, заливая комнату серебристым светом через окно. Я смотрю, как её луч ползет по полу, мои веки тяжелеют. Но я не буду спать. Я останусь здесь, буду дежурить.

Лиза молчит с другой стороны. Сейчас не время для знакомств и прочей жалкой социальной чепухи.

Мы просто ждем.

Ждем, когда моя пара вернется ко мне.

— Я люблю тебя, Ава, — выдыхаю я, слова застревают в горле. — Я так, черт возьми, тебя люблю. Не смей меня оставлять. Слышишь? Останься со мной. Несмотря ни на что.

Ответа, конечно, нет. Только ровный писк приборов, капанье капельницы. Но клянусь, я чувствую, как её пальцы дергаются в моей руке. Едва заметное движение.

Знак надежды. Борьбы.

Моя Ава все еще там. И будь я проклят, если позволю ей ускользнуть.

Поэтому я устраиваюсь ждать, не сводя глаз с её лица. Молюсь Богине Луны. Всем, кто услышит.

Верните её мне. Пожалуйста. Я сделаю все, что угодно.

Но все, что я могу сейчас — это держать её за руку. И надеяться.

Глава 108. Лиза: Отсутствие Авы (1)

ЛИЗА

Лукас оказался крупнее, чем я думала.

Эта мысль приходит внезапно, пока я смотрю на него через кровать Авы. Он не удостоил меня и взглядом; он настроен на каждый её вздох. На его лице застыла боль, от которой у меня сжимается сердце.

Мне тоже больно. Но эта связь предначертанных партнёров у оборотней...

Это что-то совсем другого уровня.

Поцеловав тыльную сторону ладони Авы, я склоняю голову, чтобы помолиться в сотый раз за сегодня.

Господи, пожалуйста, услышь мою молитву. Я знаю, что не хожу в церковь и не следую твоим заповедям. Я знаю, что я ужасная христианка. Я даже не уверена, что я христианка. Но я знаю, что ты должен заботиться обо всех нас, так что, пожалуйста, если ты слышишь, пожалуйста, спаси Аву. Она заслуживает гораздо большего.

Конечно, ответа нет. Одна моя половина надеется на чудо, а другая знает, что молитва бессмысленна.

Никто из нас ничего не может сделать.

Врачи в замешательстве. Всё, что они могут сказать, это то, что её состояние стабильно, и она должна очнуться, когда будет готова.

Но почему она вообще оказалась в этой постели?

Мы не делали ничего особенно напряжённого.

Её заживление шло хорошо.

Так почему?

Слова Ванессы о волке Авы меня беспокоят, но я не могу просто взять и рассказать им о Селене. Это секреты Авы.

Даже если, сохранив секрет, ты позволишь Аве никогда не очнуться? — шепчет моя логичная сторона.

Я не знаю.

Поэтому я молчу, ведь сказать особо нечего.

Я приехала сюда, почти не предупредив друзей и семью. Родители, я почти уверена, до сих пор на меня злятся. Мама сменила название нашего группового чата с «Мои счастливые Рэндаллы» на «Рэндаллы с опустевшим гнездом» с грустным эмодзи и не писала там с того дня, как я сказала ей, что переезжаю.

Папа до сих пор каждую неделю кладёт мне деньги на банковский счёт. Он не в восторге, но не собирается позволить мне стать бездомной или что-то в этом роде.

Ава — единственное, что у меня есть здесь, в Гранит-Сити, и теперь я в ужасе от того, что её может скоро не стать.

Драматизирую? Возможно. Но в последнее время столько всего навалилось...

Она даже беспокоилась, что беременна.

Постой. Беременна.

Она вообще получила ответ на этот вопрос?

Может... она беременна?

Может ли это быть причиной?

Мысль опускается свинцовой тяжестью в желудке, когда я бросаю взгляд на Лукаса. Его присутствие пугает и в хороший день, но сейчас, когда Ава без сознания лежит на больничной койке между нами, оно просто удушает. Желание спросить его о беременности у оборотней подступает к горлу, но я его проглатываю.

Как вообще задать такой вопрос? «Эй, Альфа Стаи Вествуд, вы меня не знаете, но я лучшая подруга Авы. Короткий вопрос: может ли девушка впасть в кому, если забеременеет от оборотня, который, кстати, не вы? Спрашиваю для подруги».

Ага, нет. Такого не будет.

Но вопрос остаётся, свербя на задворках сознания. Ава упоминала, что боится забеременеть, но мы так и не вернулись к этой теме. Вечно происходило что-то ещё, какой-то новый кризис, с которым нужно было разбираться.

Теперь, когда она лежит такая неподвижная и бледная на белых больничных простынях, я невольно задаюсь вопросом, не в этом ли причина всего происходящего.

Мне нужны ответы, но я не могу заставить себя спросить Лукаса напрямую. Он и так выглядит, будто едва держится, не сводит глаз с лица Авы и сжимает её руку так, словно пытается удержать её в этом мире одной лишь силой воли.

Нет, я не могу взвалить это на него. Не сейчас.

Но должен же быть кто-то ещё, кто может помочь, кто-то, кто разбирается в биологии оборотней и беременности.

Ванесса.

Имя всплывает в голове, и я хватаюсь за него, как за спасательный круг. Она целитель, которая ухаживала за Авой, та самая, с добрыми глазами и нежным голосом. Если кто и сможет ответить на мои вопросы, не выставив меня идиоткой, так это она.

Приняв решение, я наклоняюсь, чтобы нежно поцеловать тыльную сторону ладони Авы. «Я сейчас вернусь», — шепчу я, хотя и знаю, что она меня не слышит. «Просто пойду спрошу у Ванессы кое-что».

Я выпрямляюсь, мой взгляд метнулся к Лукасу. Он никак на меня не реагирует, но у меня такое чувство, что он осознаёт каждое моё движение. Это нервирует, но в то же время странным образом успокаивает. По крайней мере, я знаю, что он не позволит ничему случиться с Авой, пока меня не будет.

Напоследок сжав руку Авы, я выскальзываю из палаты, позволяя двери тихо щёлкнуть за спиной. В коридоре тихо, флуоресцентные лампы бросают резкие блики на белые стены и кафельный пол. Я на мгновение замираю, чтобы сориентироваться, пытаюсь вспомнить, в какой стороне кабинет Ванессы.

Налево, кажется. Или, может, направо?

Я выбираю пойти налево, решив, что всегда смогу вернуться, если понадобится. Пока я иду, мой разум лихорадочно перебирает вопросы и тревоги, один тревожнее другого.

Если это не беременность, тогда что? Что могло заставить её вот так просто потерять сознание?

Вариантов бесконечное множество, и от каждого по спине пробегает холодок. Я обхватываю себя руками, пытаюсь отогнать внезапный холод, который, кажется, проник до самых костей.

Пожалуйста, будь в порядке, Ава. Пожалуйста, очнись.

Я заворачиваю за угол и едва не сталкиваюсь с кем-то, идущим навстречу. Я отшатываюсь назад, извинение уже готово сорваться с губ, но застревает в горле, когда я вижу, кто это.

Ванесса.

Она выглядит такой же удивлённой, как и я, её глаза расширяются, когда она замечает мой растрёпанный вид. «Мисс Рэндалл? Всё в порядке?»

Я открываю рот, но не могу вымолвить ни слова. Внезапно все мои тщательно продуманные вопросы будто испарились, сменившись густым, удушающим комком в горле.

Выражение лица Ванессы смягчается, и она протягивает руку, чтобы успокаивающе положить её мне на предплечье. «Почему бы нам не пойти в мой кабинет? — мягко предлагает она. — Мы можем поговорить там».

Я киваю, не решаясь заговорить. Ванесса идёт впереди, её шаги уверенные и твёрдые, а я оцепеневше следую за ней.

Её кабинет маленький, но уютный, с плюшевым диваном и несколькими горшечными растениями, расставленными тут и там. Она жестом предлагает мне сесть, а затем сама устраивается в кресле напротив.

«Итак, — говорит она спокойным и успокаивающим голосом, — что вы хотели у меня спросить?»

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоить свои мечущиеся мысли. «Это насчёт Авы, — начинаю я, и мой голос слегка дрожит. — Возможно ли, что её состояние как-то связано с беременностью? То есть, если бы она была беременна, могло бы это привести к тому, что она упадёт в такую кому?»

Ванесса на мгновение замолкает, обдумывая мой вопрос. «Это возможно», — наконец говорит она. «Беременность у оборотней может быть сложной, особенно если мать — человек. Гормональные изменения, физическая нагрузка... это может сказаться на организме».

От её слов у меня сердце уходит в пятки, а в животе поселяется ледяной ужас. «Так... вы думаете, это может быть то, что происходит с Авой?»

Ванесса вздыхает, наклоняясь вперёд и опираясь локтями о колени. «Я не могу сказать наверняка, — признаёт она. — Нам нужно будет провести несколько анализов, чтобы подтвердить беременность, и даже в этом случае нет гарантии, что это связано. Но это определённо то, что мы должны рассмотреть. Это щенок Альфы Вествуда?»

Я качаю головой.

Она со вздохом потирает лоб. «Хорошо. Я изучу этот вопрос. Осторожно».

«Спасибо», — я медлю. — «Что будет, если она беременна? С ней всё будет в порядке?»

Ванесса протягивает руку и берёт мою, её прикосновение тёплое и успокаивающее. «Мы сделаем всё, что в наших силах, чтобы обеспечить здоровье и безопасность как Авы, так и ребёнка, — твёрдо говорит она. — Но я не хочу, чтобы ты забегала вперёд, Лиза. Мы ещё ничего не знаем наверняка».

Я снова киваю, смагивая слёзы, которые жгут глаза. «Я просто чувствую себя такой беспомощной. Я ничего не знаю об оборотнях. Я всего лишь человек».

Ванесса сжимает мою руку, её глаза полны сочувствия. «Я знаю, это тяжело, — мягко говорит она. — Но лучшее, что ты можешь сейчас сделать для Авы, — это быть рядом с ней. Говори с ней, дай ей понять, что она не одна. Иногда это может всё изменить».

Я судорожно вздыхаю, пытаюсь впитать её слова. «Хорошо, — шепчу я, вытирая глаза тыльной стороной ладони. — Хорошо, я смогу это сделать».

Глава 109. Лиза: Отсутствие Авы (2)

ЛИЗА

От стука в дверь Ванессы я подпрыгиваю.

Целительница тянется, чтобы снова похлопать меня по руке. — Не волнуйся, дорогая. Это всего лишь бета стаи. Входи, Келлан.

Дверь распахивается, и в комнату широким шагом входит Келлан, словно он тут хозяин. Чёрт, почему он должен так выглядеть? Широченные плечи, щетина на челюсти. И его вечно растрёпанные волосы, как в тех старых романтических фильмах с юными сердцеедами. Я обожаю такие фильмы, а его образ русоволосого сердцееда продуман до мельчайших деталей.

Я отрываю взгляд, проклиная свою слабость. Сейчас совсем не время замечать чертовскую привлекательность Келлана. Мне нужно взять под контроль свою слабость к сексуальным мужчинам.

— Целительница Ванесса, — вежливо кивнув, приветствует он, прежде чем его пронзительные серые глаза останавливаются на мне. — Лиза, нам нужно вернуться в твою квартиру. Лукас принёс домой собаку.

Он это сейчас серьёзно? Ярость вспыхивает в моих венах. — Ты издеваешься? Хочешь, чтобы я пошла заботиться о какой-то собаке, пока моя лучшая подруга без сознания лежит на больничной койке?

Келлан опешив моргает. — Это собака Авы. Лукас подумал...

— О, я уверена, Лукас о многом подумал. А ты просто потокаешь ему, да? И неважно, чего могу хотеть я. — Слова льются из меня яростным потоком, весь страх и разочарование выплёскиваются наружу. — Вы вечно принимаете эти единоличные решения, даже не спрашивая. Открою тебе секрет, Келлан: мир не вертится вокруг тебя и твоего драгоценного Альфы!

Глаза Ванессы расширяются, пока она наблюдает за моей тирадой. Келлан просто смотрит, слегка приоткрыв рот. Я тяжело дышу, сжав руки в кулаки.

— Я... я не это имел в виду... — Келлан прокашливается, переминаясь с ноги на ногу. — Лиза, я просто пытаюсь действовать в лучших интересах Авы.

— И ты думаешь, её интересы совпадают с вашими? — фыркаю я. — Пожалуйста. Ты и понятия не имеешь, что сейчас нужно Аве.

— Тогда просвети меня, — цедит он, и в его голосе начинает проскальзывать раздражение.

Я расправляю плечи, встречая его яростный взгляд. — Ей нужна поддержка. Сострадание. А не чтобы с ней обращались, как с пешкой в силовых играх вашей стаи.

— Это не...

— Разве нет? Кажется, всё, что вас с Лукасом волнует, — это хрень про связь предназначенных пар. Плевать на самостоятельность Авы и на то, каково ей будет, когда у неё отнимут право выбора.

Челюсти Келлана сжимаются. — Ты не знаешь, о чём говоришь. Связь священна.

— Избавь меня от этой мистической болтовни о родственных душах. Я на это не куплюсь. — Я скрещиваю руки на груди. — Вот что сейчас будет. Я останусь здесь, пока Ава не очнётся. А если тебя так беспокоит эта чёртова собака, можешь сам с ней разобраться.

— Мне нужно управлять стаей, — говорит Келлан сквозь зубы. — Если ты забыла, у нас тут весьма деликатный переходный период.

— Да-да, сейчас расплачусь. — Я закатываю глаза. — Уверена, ты прекрасно справишься и без меня.

Мы сверлим друг друга взглядом, и напряжение между нами искрит. Ванесса прокашливается.

— Возможно, компромисс, — предлагает она успокаивающим голосом. — Келлан, почему бы тебе пока не заняться собакой? А Лиза останется здесь, с Авой. Я сообщу вам обоим, как только в её состоянии произойдут какие-либо изменения.

— И если это действительно собака Авы, — резко встречаю я, — может, приведёшь её сюда, а не оставишь в квартире? Ава по ней скучала. Им будет полезно побыть вместе.

Ноздри Келлана раздуваются, но он коротко кивает. — Хорошо. Держи меня в курсе, Несса.

— Конечно, — заверяет его добродушная целительница.

Бросив в мою сторону последний испепеляющий взгляд, Келлан разворачивается на каблуках и стремительно выходит, хлопнув за собой дверь. Я откидываюсь на спинку стула, внезапно почувствовав дику усталость.

— Полегчало? — спрашивает Ванесса с ноткой веселья в голосе.

Я фыркаю со смешком. — Немного, да. Боже, как же он иногда действует мне на нервы.

— Я вижу. — В её глазах пляшут искорки. — Хотя подозреваю, что за этим стоит нечто большее, чем простое раздражение.

Я шурюсь, глядя на неё. — Что это должно означать?

Ванесса пожимает плечами, и на её губах играет многозначительная улыбка. — Ничего, дорогая. Просто наблюдение.

Качая головой, я поднимаю обе руки. — Так, давай я тебя остановлю. Да, Келлан горяч. Ну, то есть, офигенно горяч. Нужно быть слепой, чтобы этого не заметить. Но я не хочу иметь ничего общего с этим эгоистичным козлом. Он никогда не думает о других, когда что-то делает. Это сильно отталкивает.

— Конечно, отталкивает, дорогая. — Ванесса снова хлопает меня по руке, но на этот раз её жест кажется не утешающим, а слегка снисходительным.

И всё же я не хмрюсь. Иначе я буду выглядеть как капризный подросток, а не как взрослая женщина, способная ненавидеть одного симпатичного бету.

Я делаю глубокий вдох и, собравшись с духом, возвращаюсь в палату Авы. Лукас всё ещё там, нависает над её кроватью, как мрачная тень. Он не сводит глаз с её лица. От напряжённости его взгляда у меня по спине пробегает дрожь.

Когда я подхожу к кровати, клянусь, я слышу тихое рычание, исходящее из груди Лукаса. Такое тихое, почти шёпот.

Однако, когда я смотрю на него, выражение его лица как всегда непроницаемо, а взгляд прикован к бессознательной Аве.

Встревоженная, я усаживаюсь в кресло по другую сторону кровати и тянусь к руке Авы. Её кожа прохладная на ощупь, и я мягко сжимаю её пальцы.

— Я вернулась, Ави, — шепчу я, убирая выбившуюся прядь волос с её лба. — Я здесь. Мы все ждём, когда ты проснёшься, хорошо? Так что не держи нас в напряжении слишком долго.

Моя попытка разрядить обстановку тонет в гнетущей тишине комнаты. Лукас даже не удостоил меня взглядом.

Часы тянутся с мучительной медлительностью. С наступлением вечера комната погружается во тьму, но никто из нас не двигается, чтобы включить свет. Мы сидим в тени, и единственные звуки — это ровное пиканье кардиомонитора Авы и редкий шорох ткани, когда кто-то из нас меняет позу.

Время от времени заходит медсестра, чтобы проверить жизненные показатели Авы. Они работают быстро и эффективно, занося цифры в свои планшеты, прежде чем снова выскользнуть за дверь. Каждый раз я задерживаю дыхание в надежде на какой-нибудь признак улучшения. Но ничего не меняется.

Уже поздно, когда наконец появляется Ванесса. Она выглядит уставшей, её обычно аккуратный пучок растрепался, а под глазами залегли тёмные круги. Она подходит прямо к Лукасу и кладёт ему руку на плечо.

— Без изменений, — говорит она, качая головой. — Анализы крови по-прежнему в норме.

Глава 110. Лиза: Отсутствие Авы (3)

Плечи Лукаса напрягаются, и он хмуро поворачивается к целительнице. «Всё ещё никаких ответов?» — спрашивает он, его голос огрубел от долгого молчания.

Ванесса сочувственно вздыхает. «Мне жаль, Альфа. Мы делаем всё, что в наших силах».

Лукас коротко кивает и снова поворачивается к Аве, задумчиво нахмутив брови. Через его плечо Ванесса ловит мой взгляд и едва заметно качает головой.

Сначала я не понимаю. Но потом до меня доходит — она, должно быть, пытается сказать мне, что Ава не беременна. Меня накрывает волна облегчения, за которой тут же следует укол вины. Я не должна радоваться этому, не тогда, когда Ава всё ещё лежит без сознания.

Но, по крайней мере, это на одну проблему меньше. Одно осложнение долой в и без того запутанной паутине.

Я откидываюсь на спинку стула, внезапно почувствовав себя совершенно измотанной. День выдался долгим, и эмоциональные качели взяли своё. Я закрываю глаза, всего на мгновение, и позволяю ровному ритму сердцебиения Авы убаюкать меня в лёгкой дреме.

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем я вздрагиваю от тихого стука в дверь. Ванесса просовывает голову в дверь с виноватым видом.

«Простите за беспокойство, — говорит она, понизив голос. — Но я подумала, вы захотите узнать: только что приехал Келлан с собакой Авы».

Я выпрямляюсь, моргая, чтобы прогнать сон. «Селена здесь?»

Ванесса кивает. «Он с ней в приёмной. Могу привести её, если хотите».

Я бросаю взгляд на Лукаса, оценивая его реакцию. Он всё так же смотрит на Аву, но я вижу, как напряжены его челюсти, как его пальцы сжимают и разжимают её ладонь.

Но он не возражает.

«Думаю, ей это пойдёт на пользу», — говорю я, раз уж он, похоже, не против, чтобы решение приняла я.

Ванесса отступает в сторону, когда в палату входит Келлан, а за ним на поводке плетётся тощая серебристая хаски. На мгновение я даже не уверена, что это действительно Селена — она выглядит худее, чем я помню по фотографиям, её шерсть свалылась и потускнела. Но тут она замечает Аву, лежащую на больничной койке, и издаёт такой пронзительный скулёр, что у меня разрывается сердце.

Прежде чем кто-либо успевает среагировать, Селена бросается вперёд, едва не вырвав поводок из рук Келлана. Она карабкается на кровать, её лапы скользят по хрустящим белым простыням, пока она пытается подобраться к Аве поближе. Лукас начинает подниматься со стула, протянув руку, чтобы согнать собаку, но я оказываюсь быстрее.

«Подожди», — говорю я, хватая его за запястье. Его кожа горячая под моими пальцами, и я чувствую, как напряжение вибрирует в нём, словно оголённый провод. «Я думаю... думаю, ей может стать лучше. Если Селена будет рядом». Я не могу признаться, почему, но могу хотя бы попытаться этого добиться.

Лукас поворачивается ко мне, и в его глазах вспыхивает что-то тёмное и опасное. Низкое рычание рокошет у него в горле, и я чувствую, как моё сердце сбивается с ритма. О Бог. Что я наделала? Выражение его лица... он словно едва сдерживается, чтобы не разорвать меня на куски.

Но я не могу сейчас отступить. Не тогда, когда я нужна Аве.

Я с трудом сглатываю, моя хватка на его запястье усиливается, хотя рука дрожит. «Пожалуйста, — шепчу я, и мой голос срывается. — Просто позволь ей остаться».

Мгновение Лукас не двигается. Он просто смотрит на меня, сжав челюсти так сильно, что я боюсь, как бы он не сломал зуб. Затем он медленно поднимает свободную руку, и я готовлюсь к удару.

Но его не следует.

Вместо этого раздаётся резкое клцанье зубов, и я понимаю, что Селена поднялась на кровати. Она стоит над бесчувственным телом Авы, её загривок поднят, а губы оскалены. И она защищает не только Аву — она защищает и меня, её тело немного развёрнуто, чтобы встать между мной и Лукасом.

В комнате воцаряется тишина, напряжение становится таким плотным, что я едва могу дышать. Лукас и Селена сверлят друг друга взглядами, хаски против волка. И Селена не проигрывает.

Я чувствую, как под моими пальцами напрягаются мышцы на руке Лукаса, и на секунду я уверена, что он бросится на собаку.

Но затем, о чудо, он делает шаг назад. Он не сводит глаз с Селены, но опускает руку, разжимая пальцы из кулака.

«Хорошо, — выдавливает он, его голос натянут от едва сдерживаемой ярости. — Собака может остаться. Пока что».

От облегчения у меня чуть не подкашиваются колени, но мне удаётся устоять на ногах, и я перехожу на другую сторону кровати, чтобы оказаться подальше от Лукаса.

Но Селена не двигается. Она остаётся на месте, её тело защищающим изгибом огибает неподвижную фигуру Авы. И когда она наконец опускает голову на грудь Авы, клянусь, я вижу, как что-то мелькает в её ледяных голубых глазах.

«Хорошая девочка, — бормочу я едва слышным шёпотом. — Будь с ней, хорошо? Ты ей нужна».

Ухо Селены дёргается в моём направлении, но она не поднимает головы. Словно говорит, что всё понимает.

Вокруг Лукаса кипит ярость, но он садится и снова берёт Аву за руку, как будто только что не устроил переполох.

Вся эта хрень с истинными парами — полная чушь. Раньше мне это казалось довольно горячим; теперь же я хочу забрать Аву и сбежать отсюда подальше.

Властные альфы в теории кажутся привлекательными, но в реальной жизни от них одни проблемы.

Я снова опускаюсь в кресло, ноги внезапно становятся ватными. Я измотана, физически и эмоционально истощена событиями последних нескольких часов. Но я знаю, что не могу оставить Аву. Не сейчас. Не тогда, когда я нужна ей больше всего.

Так что я готовлюсь к долгому ожиданию, не сводя глаз со вздымающейся и опадающей груди Авы под бдительным взглядом Селены. И я молюсь всем богам, которые могут меня услышать, чтобы моя лучшая подруга скоро очнулась.

Потому что я не знаю, что буду делать, если этого не произойдёт.

Глава 111. Лиза: Отсутствие Авы (капельница)

ЛИЗА

Три грёбанные недели.

Сколько бы я ни считала, прошло уже три грёбанные недели.

Календарь на стене насмехается надо мной, сегодняшняя дата смотрит на меня в упор из любой точки кухни.

Селена скулит, когда я в третий раз за утро чуть не наступаю ей на лапу. — Прости, девочка. Дай мне секунду, и мы пойдём к ней.

Я вся взмокла от пота. Иерихон и бровью не повёл из-за того, что Ава в больнице, и мы все привыкли к новому подобию нормы.

Это совсем не нормально, но такова теперь жизнь. По крайней мере, пока Ава снова не очнётся.

Я стала сильнее. Быстрее, хотя и в подмётки не гоюсь этим оборотням, что меня окружают. Я изучаю основы самообороны, а Селена помогает с практической отработкой уклонения и защиты от волчьих атак.

У меня повсюду синяки и раны, а некоторые даже загноились, но Целительница Ванесса — просто дар божий, у неё всегда при себе найдётся какой-нибудь волшебный крем. Антибактериальный, противогрибковый, предотвращающий появление шрамов, да ещё и божественно пахнущий. Понятия не имею, почему его не продают на людских рынках.

Наверное, потому что они бы никогда не справились со спросом. Насколько я знаю, он, возможно, ещё и морщины разглаживает. Впрочем, оборотни стареют красиво, так что кто знает. Может, им и не нужен крем от морщин.

Я забираюсь в душ под укоризненным взглядом голубых глаз Селены.

Вода бьёт по спине, обжигаяще напоминая о том, как сильно я напряжена. Хочется кричать. Хочется плакать. Хочется что-нибудь ударить.

Желательно Келлана, будь он здесь. Он не такой пугающий, как Лукас, но достаточно высоко в иерархии, чтобы заслужить мою ярость.

В последнее время он редко появляется, слишком занят управлением стаи Вествуд, пока Лукас изображает бдительную пару в больнице. Я понимаю, правда. Лукас имеет полное право быть там, а Келлан несёт всю ответственность за то, чтобы всё шло гладко. Но, чёрт возьми, я чувствую, будто тону в этом новом мире без единого спасательного круга.

Ванесса в той же лодке. Она не видела свою пару, какого-то высокопоставленного оборотня в стае по имени Вестер, уже две недели — с тех пор, как он уехал на территорию Блэквуда, чтобы поддерживать там порядок. Даже представить не могу, как она держится, но она никогда этого не показывает. Настоящий профессионал, что тут скажешь.

Я выключаю воду и выхожу, заворачиваясь в полотенце, которое кажется слишком мягким для моей кожи. Всё здесь слишком мягкое, слишком роскошное.

Я скучаю по Аве.

Она должна быть здесь, со мной. Селена наконец-то здесь. Мы должны быть вместе, трио, чьим главным приоритетом всегда было грядущее веселье.

Вместо этого она лежит на больничной койке, не реагируя на окружающий мир. А слухи уже поползли.

Я слышу их шёпот в коридорах, вижу их в косых взглядах, брошенных в мою сторону. Дочь Блэквуда без сознания в больнице Вествуда. Это политический кошмар, даже я это понимаю.

Совет поддерживает Вествуд, но Иерихон говорит, что в тени происходит много движений. Он тренирует меня усерднее, чем когда-либо, уча защищаться от любой угрозы.

— Беда следует за девушкой Грей, как утята за мамой-уткой, — сказал он мне вчера, и его покрытое шрамами лицо было мрачным. — А ты её лучшая подруга. Это делает тебя мишенью.

Я быстро одеваюсь, натягивая легинсы и майку. Селена ждёт у двери, её хвост стучит по полу. Последние несколько недель она была моей постоянной спутницей, утешительным присутствием в перевернувшемся с ног на голову мире.

Мы идём в больницу, маршрут настолько знаком, что я могла бы пройти его во сне. Стражи кивают мне, когда я прохожу мимо, их глаза осматривают коридор в поисках любых потенциальных угроз. Они игнорируют стража, молча следующего за мной. Я тоже делаю вид, что не замечаю его.

Так проще. Келлан, может, и слишком занят, чтобы забирать меня и отвозить обратно, что даёт мне немного свободы передвигаться, как я хочу, но за мной всегда кто-то следует.

Всегда.

Лукас на своём обычном месте у постели Авы, его рука крепко сжимает её ладонь. Он поднимает голову, когда я вхожу, его глаза налиты кровью и полны усталости.

— Есть изменения? — спрашиваю я, хотя уже знаю ответ.

Он качает головой. — Пока ничего. Но она сильная. Она вернётся к нам.

Я киваю, не решаясь заговорить. Я сажусь на своё обычное место по другую сторону кровати и протягиваю руку, чтобы убрать прядь волос с лица Авы.

Она выглядит такой умиротворённой, такой неподвижной. Будто просто спит, и в любой момент проснётся и начнёт отпускать шуточки о том, как хреново мы все выглядим.

Но она не просыпается. Уже три грёбанные недели.

Селена запрыгивает на кровать и сворачивается калачиком в ногах у Авы. В последнее время она делает это всё чаще и чаще, словно пытается её защитить.

Я откидываюсь на спинку стула, на мгновение прикрыв глаза. Я так устала, так чертовски устала от всего этого.

Лукас почти одичал в своей безграничной преданности Аве, и я беспокоюсь об их будущем, когда она очнётся.

У меня такое чувство, что он немного перегнёт палку.

На прошлой неделе был инцидент, когда Клейтон, альфа Аспена, пришёл её навестить. Потребовалось пятеро оборотней, чтобы успокоить Лукаса и позволить Клейтону войти, особенно когда тот услышал о тесте на беременность, который пришлось сделать Ванессе.

Могу только представить, насколько всё было бы хуже, если бы Ава была беременна от Клейтона. М-да уж.

Но этот разговор мы отложим на другой день, когда она очнётся и вернётся к нам.

А пока он не отходит от неё ни на шаг. Время от времени Келлан утаскивает его в душ и побриться, а Ванесса всегда оставляет ему еду, к которой он едва притрагивается, бормоча, что не может есть, когда Ава не ест.

Ванесса любит подмечать, что Ава ест, — через вены, благодаря гигантскому пакету, похожему на молоко, поступающему через её капельницу. Она называет это ПЭП. Какая-то жидкая пища.

Пахнет отвратительно, как уксус и ноги, но, по крайней мере, это поддерживает в Аве жизнь.

Я устраиваюсь поудобнее, готовясь к ещё одному дню ожидания и молитв, и сжимаю её ладонь в своей.

И в этот момент голова Селены резко дёргается вверх, уши наострены, а хвост слегка виляет.

Лукас, кажется, не замечает; он игнорирует присутствие Селены до такой степени, что я почти готова поверить, будто её не существует.

И тут я это чувствую.
Рука Авы дёргается.

Глава 112. Ава: Пробуждение

Темнота.

Свет.

Так холодно.

Жжёт.

Лёгкие болят.

Что-то давит на меня.

Слышен шёпот. Кажется, молитвы.

В этом туманном мире царит хаос. Что-то непрерывно пищит.

Я потею. Руки слишком горячие.

... вайся.

Что это?

... Ава, ты...

Кто это?

... ты меня слышишь?

Я пытаюсь пробиться к зовущему меня голосу, но что-то снова затягивает меня прочь.

Во мне закипает досада, но я слишком устала, чтобы бороться.

Ава, ты должна проснуться.

Вот он снова.

Я знаю, что ты меня слышишь, потому что я наконец-то слышу тебя.

Слышишь меня? Что слышишь? Я что, говорю?

Да.

Нет, не думаю, что я говорю. Я слишком устала. Моё тело раздавлено под землёй. Огонь пожрал меня дотла. Я утонула. Воздух выкачали.

Ты жива. Ты спишь в больнице. С тобой всё в порядке. Тебе просто нужно проснуться.

Нет, нет.

Нет, нет, нет.

Пробуждение — это боль.

Я помню боль.

Боли не будет, Ава. Просто проснись. Вернись ко мне.

Ни за что.

Здесь, в этом туманном месте, так умиротворяюще.

Ава, ты должна вернуться. Твоё место не здесь.

Не моё место? Но я здесь, в этой безмятежности тьмы. Я чувствую боль, но она не убивает меня. Её недостаточно, чтобы меня убить.

Ты не умрёшь, Ава. Ты жива.

Жива.

Жить — значит умереть...

Ава, хватит. Проснись. Перестань себя жалеть. Ты не умирала. Просыпайся. Сейчас же!

*

Я с трудом разлепляю веки. Такое чувство, будто по ним скребут наждачной бумагой. Всё расплывается, очертания нечётки. Белизна. Резкий свет.

Ава.

Селена. Её голос в моей голове — тёплый мёд, успокаивающий. Заземляющий. Я пытаюсь заговорить, но в горле пересохло, и получается лишь рванный шёпот: — Селена?

Мокрый нос утыкается мне в ладонь. Лёгкая тяжесть её головы на моей руке. Я медленно, с болью, поворачиваю голову. Она здесь — серебристая шерсть блестит, а в синих глазах светятся ум и беспокойство.

Ты очнулась. В её тоне слышится облегчение.

Я с трудом сглатываю, язык кажется тяжёлым и распухшим. — Что случилось? — слова буквально выпарапываются из горла.

Потом. Сейчас отдыхай. Она трётся носом о мою руку. Я хочу возразить, но усталость снова утягивает меня в забытьё.

Кто-то зовёт меня по имени, но я уже отключаюсь.

*

Сознание возвращается постепенно. Мерное пиканье кардиомонитора. Химический запах дезинфекции. Накрахмаленные простыни царапают кожу. Катетер от капельницы впиывается в тыльную сторону ладони.

Веки тяжёлые, но я заставляю себя их открыть. Потолок плывёт, но постепенно обретает фокус — белая плитка, люминесцентные лампы. Больница. Селена свернулась калачиком рядом со мной, даря успокаивающее тепло.

С возвращением. Меня накрывает волной её облегчения.

Лукас и Лиза здесь. Они засыпают меня вопросами, перебивая друг друга. Это режет слух.

— Сколько я была в отключке? — хриплю я, горло саднит от долгого молчания.

Три недели, — тихонько скулит Селена. — Мы так волновались.

— Ты в порядке? — спрашивает Лукас, находясь слишком близко ко мне.

— Как ты себя чувствуешь? — вставляет Лиза с другой стороны.

Три недели. Эта новость — как удар под дых. Я с трудом пытаюсь сесть, мышцы ослабли и не слушаются. Селена помогает, подпирая меня своим телом, а Лиза и Лукас кладут руки мне на спину, помогая принять сидячее положение.

Весь этот процесс выматывает меня донельзя.

Сев, я осматриваюсь. Конечности одеревенели, атрофировались. В руке игла, соединённая со стойкой для капельницы, на которой висит несколько пакетов. Один из них похож на пакет с молоком, и он подключён к другому катетеру в локтевом сгибе второй руки.

На мне больничная рубашка, одеяла сбились у талии. Волосы сальные и неопрятные, липнут к шее.

Осторожнее, — предупреждает Селена, когда я качаюсь от головокружения. — Ты через многое прошла.

Слабо сказано. Я пытаюсь восстановить в памяти события, чтобы понять, как я здесь очутилась. Тренировка с Иерихоном и Лизой. Упала на диван. А потом... ничего. Зияющая чёрная дыра в памяти.

— Что со мной случилось?

Лукас тянется к моему лицу, его пальцы нерешительно и нежно касаются моей кожи. Между нами струится тепло, чувство уюта и желание прижаться щекой к его ладони, прильнуть поближе.

— Мы не знаем наверняка. Ванесса думает, твой волк пытается проявиться. Ты чувствуешь себя как-то иначе?

Я так долго жаждала пройти перевоплощение, бегать под луной. Стать целой. Но теперь, со всеми этими странностями вокруг моего происхождения, одна мысль об этом наполняет меня тревогой. Я бросаю взгляд на своего волка, замаскированного под хаски по причине, которую она ещё не объяснила, и её уши дёргаются, когда она облизывает моё лицо и устраивается у меня на коленях, будто она комнатная собачка.

Но это не так. Она для этого слишком большая.

Не бойся, — успокаивает Селена, чувствуя моё беспокойство. — Для тебя это естественно.

Естественно. Это слово на вкус как пепел. В моей жизни не было ничего естественного. Ванесса права? Ты теперь станешь частью меня?

Селена прижимается головой к моей груди, но Лукас и Лиза говорят.

— Ты в порядке, Эйв? Ты что-нибудь помнишь? — Ощущение рук моей лучшей подруги, сжимающих мои, такое...

Приятное.

Словно я с семьёй.

Словно я вернулась домой.

На глаза наворачиваются слёзы, но я стараюсь их смахнуть, моргая изо всех сил.

Мне не нужно плакать только потому, что на этой земле есть два человека, которым небезразлично, что со мной происходит.

— Простите, у меня до сих пор туман в голове. — И горло болит.

Лукас ёрзает на кровати, двигаясь медленно, чтобы не задеть меня или провода, которые, кажется, повсюду. Он обнимает меня, просовывая одну руку мне под спину, а другую кладя на талию. Он так осторожен, обращается со мной, будто я сделана из стекла.

Я хочу возразить, настоять на том, что я не инвалид, но слова застревают в горле, когда он притягивает меня в свои объятия. Его тепло окутывает меня, прогоняя холод, который, кажется, поселился в моих костях. Я не могу не прильнуть к нему, опустив голову ему на грудь.

Под моим ухом гулко и ровно бьётся его сердце — успокаивающий ритм, от которого мои веки трепещут и закрываются. На мгновение я позволяю себе утонуть в этом уюте, черпая силы из его присутствия.

— Ава, — бормочет он, и его дыхание шевелит мои волосы. — Я так волновался.

От неприкрытых эмоций в его голосе у меня сжимается сердце. Я откидываю голову, чтобы посмотреть на него, и встречаю его золотистый взгляд. В нём так много всего — облегчение, беспокойство и что-то ещё, чему я не могу дать название.

— Я в порядке, — шепчу я, хотя и не уверена, что это чистая правда.

Именно в этот момент мой желудок издаёт громкое урчание, и я вздрагиваю, осознав, что ужасно хочу есть. Такое чувство, будто у меня в животе зияющая дыра, пустота, требующая заполнения.

Лиза наклоняется и хлопает меня по руке. — Не волнуйся, Эйв. Ты получаешь все необходимые питательные вещества через это. — Она указывает на один из пакетов капельницы, тот, что похож на пакет с молоком.

Я скептически смотрю на него. Мысль о том, что меня поддерживают с помощью пакета с жидкостью, не внушает мне особого доверия.

Тебе нужна настоящая еда, — вступает Селена, её голос эхом раздаётся в моей голове. — Чтобы восстановить силы.

Она права. Я чувствую слабость в мышцах, чувствую, как моё тело, кажется, иссохло за то время, что я была без сознания. От мысли о твёрдой пище у меня текут слюнки, а желудок сжимается в предвкушении.

Движение у двери привлекает моё внимание, и я поднимаю глаза и вижу, как в комнату входит Ванесса. Её взгляд скользит по мне, оценивая, и я невольно прижимаюсь к груди Лукаса.

— Как ты себя чувствуешь, Ава? — спрашивает она, подходя к изножью кровати.

— Голодна, — признаю я всё тем же хриплым голосом. — И слаба.

Она кивает, словно именно это и ожидала услышать. — Это нормально, учитывая, как долго ты была в отключке. Мы начнём с жидкой диеты и постепенно перейдём к твёрдой пище.

Должно быть, я корчу рожу при упоминании жидкой диеты, потому что она слегка улыбается. — Знаю, звучит не слишком привлекательно, но мы должны быть осторожны, чтобы не перегрузить твой организм. Твоё тело многое перенесло.

Это ещё мягко сказано. Я до сих пор не могу осознать тот факт, что пробыла без сознания три недели. Такое чувство, будто я всего на мгновение закрыла глаза, а теперь всё изменилось.

Руки Лукаса сжимаются на мне крепче, словно он чувствует направление моих мыслей. — Мы справимся с этим, Ава. Вместе.

Глава 113. Ава: Новая перемена

Я хочу верить Лукасу. Я хочу верить, что всё будет хорошо, что я выйду из этой ситуации сильнее, чем прежде. Но часть меня в ужасе от того, что со мной происходит, от перемен, которые, как я чувствую, происходят в моём теле.

— Перемены неизбежны, — нежно говорит Селена. — Но их не обязательно бояться.

Я знаю, что она права, но трудно избавиться от дурного предчувствия, которое пустило корни у меня в животе.

У меня такое чувство, что Селена знает, почему я так долго была без сознания, но я не могу поговорить с ней, пока Лукас здесь.

Лиза сжимает мою руку, привлекая моё внимание. — Мы с тобой, Эйв. Всё, что тебе понадобится.

Мне удаётся выдавить слабую улыбку, благодарная за её поддержку. — Спасибо, Лиз. Не знаю, что бы я без тебя делала.

— Наверное, умерла бы с голоду, — шутит она, пытаясь разрядить обстановку. — Кстати говоря, я пойду разыщу для тебя что-нибудь из этой жидкой диеты. Сейчас вернусь.

Она выскальзывает из комнаты, оставляя меня наедине с Лукасом и Ванессой. Селена спрыгивает с кровати, томно потягивается и мягко подходит к окну. Кажется, она не против дать нам немного уединения, хотя я знаю, что она по-прежнему вслушивается в каждое слово.

Ванесса подходит ближе, выражение её лица смягчается, когда она видит, как Лукас меня держит. — Твоё тело прошло через тяжелейшее испытание, Ава. Потребуется время, чтобы восстановиться, и физически, и эмоционально. Но ты сильная. Ты справишься с этим.

Она улыбается, протягивает руку и похлопывает меня по ноге через одеяло. — Я зайду проведать тебя позже. Ты, вероятно, скоро уснёшь. Я буду здесь утром, и тогда мы сможем поговорить подробнее.

*

Прошло три дня, прежде чем я достаточно окрепла, чтобы меня выписали домой.

Кажется, что прошла целая вечность, но доктор Бомонт уверяет меня — и Лукаса, — что это чудо, что я возвращаюсь домой так рано. Многочисленные обильные белковые блюда (предпочтение отдавалось стейку с кровью), кажется, запустили какую-то волшебную способность оборотня к исцелению, скрытую в моём теле.

Мне не просто лучше — я чувствую себя сильнее и выносливее, чем до того, как потеряла сознание.

Лукас, конечно же, не перестаёт беспокоиться. До полнолуния ещё целый месяц, а доктор Бомонт и Ванесса, похоже, убеждены, что в это время я пройду перевоплощение.

Селена не отвечает, когда я спрашиваю её, правда ли это.

А Лукас не уходит, чтобы я могла поговорить с Селеной.

Так что я рада выписке, вот только...

— Нет. Ты останешься в моём доме.

Лукас не позволяет мне вернуться в квартиру Лизы.

— Абсолютно нет. Она вернётся со мной. — Лиза стоит нос к носу с Лукасом и его аурой альфы. Пару минут назад Келлан заглянул в комнату, чтобы спросить Лизу, не могла бы она помочь собрать мои вещи и принести их в дом Лукаса, и тут-то всё и взорвалось.

— Я останусь с Лизой.

— Нет, не останешься. — Лукас проводит рукой по волосам, выглядя одновременно раздосадованным и взбешённым. Он то бросает испепеляющие взгляды в сторону моей лучшей подруги, то раздражённо хмурится в моём направлении. — Мне будет спокойнее, если

ты будешь в домике альфы. Ты будешь ближе к больнице, и у Ванессы будет доступ, чтобы оказывать помощь. Там безопаснее.

Лиза готова взорваться, но я жестом останавливаю её. — Ты пытаешься сказать, что поселил мою лучшую подругу в небезопасной квартире?

— Нет, конечно нет...

— Скорая прекрасно доберётся до меня и в её квартире. В прошлый раз ведь добралась, не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.